

УДК 94(474.5) «2/14»

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.6>

О. В. Матвеев

ЭПОХА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ В НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ И БЕЛОРУСОВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ¹

Автор рассматривает отношение к эпохе Екатерины Великой белорусского и русского народов, выраженное через коллективные традиционные исторические знания. Период её царствования оценивается как переход от мифологического времени к историческому. В народных текстах Екатерина II выступает нередко как разрушитель старого и созидатель нового мира. Внешняя политика Екатерины II нашла многочисленные отклики в русских исторических песнях и преданиях. Белорусы представили борьбу императрицы с Речью Посполитой, разделы польско-литовского государства и вхождение белорусских земель в состав России в форме топонимических преданий и сказочной форме. Белорусские сказки отразили сотрудничество русского правительства с магнатом Каролом Радзивиллом (пане Каханку) и королем Станиславом Понятовским. Личная жизнь Екатерины Великой привлекала внимание всех русских людей, была окружена множеством слухов, которые нередко находили отражение в народном творчестве. Общине императрицы с выходцами из простого народа часто происходит в нарративах за счет уравнивания их социального статуса: царица и народные герои вступают в диалог не согласно социальной вертикали, а на равных. Неоднозначно в народных исторических представлениях оценивается внутренняя политика Екатерины II. Русские тексты осуждают насаждение крепостничества, персонажируют антикрепостнические идеи в форме легенды о Петре III-избавителе, и в то же время хранят память об освобождении монастырских крестьян, ослаблении повинностей уральских казаков, солдатские песни-плачи о смерти императрицы. Бытование среди старообрядцев преданий о желании императрицы «исправить» веру свидетельствует в пользу того, что взаимоотношения старообрядцев с властью не сводились к протесту и социальной борьбе. Осуждение крепостничества больше связывается с конкретными помещиками, нежели с самой императрицей. Автор считает бессмысленным воспринимать рекрутские песни как осуждение Российского государства, поскольку здесь мы имеем дело не с механическим отображением ситуации, а с результатом осмысления социально-исторических реалий, которые

вписываются в более широкий символический аспект. Отмечены и позитивные последствия распространения рекрутчины на белорусские земли. В Речи Посполитой белорусские крестьяне никогда не имели статуса защитников Отечества, поскольку защита Родины являлась привилегией шляхты. Белорусские крестьяне, отслужившие в императорской армии, возвращались к себе в деревни и, рассказывая о службе, способствовали формированию у молодёжи уверенности в том, что односельчане причастны к защите Отечества, которое в этом случае начинало представляться не как местная округа, а большое и «свое» государство. Против идентичности замкнутости свидетельствует и наличие немалого корпуса текстов топонимических преданий, в которых Екатерина Великая выполняет роль «культурного героя». Параллели подобным текстам находим в русских преданиях о «путешествующей» императрицы. Обычно в этих текстах объясняется происхождение названия того или иного поселения, где проезжала Екатерина Великая. Высаживание деревьев вдоль обочины по приказу императрицы рассматриваются русскими и белорусскими крестьянами как причастность к важному государственному делу. Автор выявил некоторые общие закономерности в развитии народных исторических представлений русских и белорусов, показал, как образ императрицы служил воплощением тех надежд, иллюзий и стереотипов, которые были характерны для традиционной политической культуры восточных славян.

Ключевые слова: Екатерина Великая, народные исторические представления, топонимические предания, социально-бытовые сказки, образы государя, войны, восстания, Румянцев, Станислав Понятовский, Кароль Радзивилл, разделы Речи Посполитой, исторические песни, картина мира, «путешествующая» императрица, рекрутские песни, нарративы.

Для цитирования: Матвеев О.В. Эпоха Екатерины Великой в народных исторических представлениях русских и белорусов: общее и особенное // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 411–422. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.6

Oleg V. Matveyev

THE ERA OF CATHERINE THE GREAT IN FOLK HISTORICAL REPRESENTATIONS OF RUSSIANS AND BELARUSIANS: THE GENERAL AND THE SPECIAL

The author considers the attitude of Belarusian and Russian peoples to the era of Catherine the Great as expressed through collective traditional historical knowledge. The period of its reign is evaluated as a transition from

mythological time to historical. In folk texts, Catherine II often acts as the destroyer of the old and creator of the new world. The foreign policy of Catherine II has found numerous responses in Russian historical songs and traditions. The

¹ Статья подготовлена по проекту государственного задания на оказание государственных услуг по теме «Философско-исторические основания российской государственности: ценности и смысловые практики Российской империи XVII–XIX вв.» FZEN-2022-0014. Номер по КубГУ: 22/164т.

собираемые образы народ представил свои предпочтения и надежды, связанные с вхождением в состав Российской империи. Такое отношение подтверждается документальными свидетельствами эпохи. Когда в апреле 1792 г. русские войска вступили в белорусские земли и без боя заняли Гродно, Несвиж, Минск и другие города, то белорусы радушно встречали екатерининских солдат и офицеров, оказывали императорской армии всяческую поддержку. В одном из рапортов отмечалось, что «жители деревень и хлопы были спокойны, только с польскими войсками имели стычки» [13, с. 158]. Польское восстание 1794 г. против русской власти под предводительством Т. Костюшко не вызвало отклика в сердцах белорусов. Как справедливо отмечает белорусский исследователь А. Д. Гронский, «не воспринимали крестьяне, жившие в конце XVIII в., Костюшко своим защитником, поэтому и не сделали из него кукла, поэтому и нет в белорусской естественной исторической памяти упоминаний о восстании как о чём то «своём»» [9, с. 21]. Генерал-губернатор Минский, Изяславский и Брацлавский сообщал об отношении белорусского населения к русским войскам: «В Несвиже и в окрестностях объявление манифеста произведено с желаемым успехом и спокойствием между обывателями, которые о присоединении их под Российскую державу изъявляют особенную радость и удовольствие» [3, с. 67]. Советский белорусский историк А. П. Игнатенко отмечал, что «не поддержали восстания белорусские крестьяне и низы городского населения» [13, с. 161]. Они всячески уклонялись от мобилизации в повстанческие войска, уходили в расположение русской армии. Бригадир Львов докладывал командованию 5 июня 1794 г.: «Явились к здешнему Варковичскому градоначальнику два мужика с польской стороны из селения Бушкевичи, принадлежавшего графине Ходкевичевой, и заявили, что в том селении вербуют мужиков для войска мятежного, в числе коих вербованы были и они, и что они, боясь сего, убежали оттоль в наши границы» [13, с. 162]. Т. Костюшко с горечью писал 12 сентября 1794 г.: «Из предначиненных 500 рекрутов для моего обоза от Брест-Литовского воеводства доставлено только 372, остальные бежали по дороге» [13, с. 163]. Русский посол в Польше Н. В. Репнин сообщал в Петербург, что «крестьяне более на нашей стороне, нежели мятежнической» [13, с. 163].

Один из предводителей восставших, М.К. Огинский, автор знаменитого полонеза, вторгнувшийся на белорусские земли, потерпел поражение из-за враждебного отношения к нему местных крестьян [8, с. 89]. Отряды Огинского мародерствовали, сжигали и разоряли крестьянские дворы, не удивительно, что в обороне русскими солдатами крепости Динабург в августе 1794 г. активное участие приняли 170 белорусских крестьян [8, с. 89].

Екатерина II выступает как разрушитель старого и созидатель нового мира в народных исторических представлениях кубанских казаков. В кубанской песне говорится: «Гэй, ой маты Катэрына, та шо ты наробыла, / Гэй, шо то вийско запорижскэ та й занастыла» [4, с. 35]. В другой песне Екатерина объясняет запорожцам, что возвращения к прежнему войску, неподконтрольному государственной власти, не будет: «Нэ на тэ ж я, вражи сыны, / Москаля збирала, / Щоб стэп добрый, край вэсэлый / Назад повэртала» [4, с. 352]. Манифестом от 3 августа 1775 г. объявлялось: «Сечь Запорожская вконец уже разрушена, с истреблением, в будущем и самого названия». Смена наименования войска символизировала смерть прежнего казачества и рождение нового. Не случайно Екатерина II предупредила Г. А. Потемкина: «Что... запорожцы верно служат, сие похвально, но имя запорожцев со временем старайся заменить иным, ибо Сеча, уничтоженная манифестом не оставила по себе ушам приятное прозвище. В людях же незнающих штоб не возбудила мечты, будто за нужно нашлось восстановить Сечу, либо название» [17, с. 71]. Смена названия войска – символический ритуал. Наименование «Войско верных казаков» (с 1790 г. – Черноморское войско) выбиралось не только ради «ушам приятного прозвания», но и для приобретения качеств, обозначенных новым именем. Злая мачеха, «вража маты» для Украины и запорожцев становится «жизнедательницей и благодетельницей Екатериной Алексеевной» для Кубани: «Благодарым импэратрыцю, молымося Богу / Що на вона указала на Тамань дорогу» [4, с. 39]. В песне «Ой, тысяча симсот дэвяносто пэршого року» казаки без особого сожаления констатируют гибель старого и строительство нового мира: «Бувай же здорова, Днепр-рика мутная, / Пидем на Кубань краищой и напыться. / Бувайтэ здорови, вси курины нашы, / Тут вам без нас развалыться» [4, с. 344]. На Украине продолжали бытовать тексты, в которых «объявление верховной воли об уничтожении Запорожского Коша выражено в песнях символическим образом стрельянии из ружей и пушек и падения бомбы посреди Сечи» [20, с. 632]. Для кубанцев более актуальными становятся тексты о пожаловании Екатериной II кубанских земель, топонимические предания, связанные с императрицей [28, с. 13, 49]. Подобные представления нашли отражения в воззвании сбора средств на памятник в ст. Таманской, в котором говорилось: «9 сентября 1896 г., во время празднования двухсотлетия Кубанского казачьего войска совершена в г. Екатеринодаре закладка памятника императрице Екатерине II, воздвигаемого кубанским казакам. Наши потомки вечные времена будут взирать на созданный нами памятник и, вспоминая все оказанные войску благодеяния, возносить мольбы за мать-царицу Екатерину II, которая всецелой рукой излучала их на казаков, представителей нынешнего Кубанского войска.

Нужно представить себе неопишное счастье верных казаков черноморских, когда они получили Высочайший дар – грамоту на весь Таманский полуостров с землями между берегом Азовского моря и рекою Кубанью, нужно представить себе, с каким благоговением вступили они впервые на дарованную землю, чтобы не только бдительно охранять границы дорогого отечества, блюсти имена храбрых воинов, но и всячески стараться заслужить звание добрых и полезных граждан. В знак признательности за благодеяние и Высочайшее дарованную грамоту, мы, кубанцы, воздвигаем в гор. Екатеринодаре памятник императрице Екатерине II, благодетельнице нашей, а в знак такого знаменательного события, как первое вступление на высочайше дарованную землю, казаки ст. Таманской, как верные сыны Кубани, на общественном сборе 6 марта 1894 г., под председательством своего станичного атамана сотника В.И. Толстопята, имели суждение, что 1 октября 1894 г. исполняется сто лет со дня основания в станице Таманской церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а также, что в нынешней станице Таманской в 1792 г. в августе месяце верные черноморские казаки впервые высадились на дарованную землю, и постановление ходатайствовать об открытии подписки на сооружение в Таманской станице в память знаменательных событий памятника, ассигновав с своей стороны из общественных сумм станицы пятьсот рублей» [35, л. 182 об.].

Имя императрицы задеено в связи с переселением Черноморского казачьего войска, но и для объяснения появления новолинейных и закубанских станиц, которые основывались в 1840-х–1860-х гг. [25, с. 112]. По представлениям потомков орнбургских казаков «казачество заселяла Екатерина. На триста верст разрезать, рассоединить Башкырию с Казахстаном. <...> Их разделили, потому что невозможно было. Они между собой войну, такую резко устраивали, что было невозможно. Вот она [Екатерина] их заселила» [15, с. 38].

Внешняя политика Екатерины II нашла многочисленные отклики в русских исторических песнях и преданиях. В уральских записях И. И. Железнова отразились народные представления о том, что соседи «крепко побаивались матушки Катерины Лексевны. Ведь она даром что женщина была, а какая разумная, да и воевать-то была горазда, что твоя Ольга премудрая: супротив нее ни один царь не стоял – всех побивала. На что уж прущкой король Фридрих воин был, говорят, от всего света, и богатырь: железные подковы разгибал, всех суседних царей побивал, а она, наша матушка, и его побивала. Значит, всех сильнее, войничее была! Сколько она земель отбила от супротивников, сколько городов побрала, сколько дани перебрала, – и не перечесть! Турского сал-

тана, говорят, вдосталь забила. Все Черное море своими кораблями покрыла, Очаков, Анапу взяла. И к Царюграду подступала, да не взяла: время не пришло, дитячко, – по писанию святых отцов, возьмут наши Царьград в последнее время при царе Константине. . . Однако много с турецкого салтана отсталого взяла и обяжала его, век-повеки, платить нашему царю дань. И платит с той поры турецкий салтан нашему царю дань великую: оттого самого наши цари и богаты» [30, с. 231–232].

В солдатских песнях второй половины XVIII в. нашли отклик русско-турецкие войны, война со Швецией, которые встраивались в традиционную схему. Так, в одной из песен шведский король требует и угрожает: «Отдай судержавны города: / Отдай Ригу, отдай Ревель, / Отдай рукодель мою; / Еще отдай Кужляй, Вихляй / Со Выборгом назад! / Не отдашь ты эти города, / Не прогневайся на меня, / На шведского короля: Уж я сам-то, король шведский, / На твою землю вступлю, / Всю Россию пройду. / Во Москву-город войду» [14, с. 231].

Императрицу утешает генерал-фельдмаршал Румянцев: «Граф Румянцев-генерал, / Милосердную государыню / Разговаривал на словах: «Милосердна государыня, / Не пужайся-ка весьма! / У нас столько силы есть, / Что в чистом поле травы; / У нас столько генералов, / Что на травоньке цветов. / Мы всю силушку сберем, / Во поход ее пошлем; / Уж мы хлебов напечем / В каменной матке Москве, / На пушечном на дворе; / Горяченька похлебочка / У солдатушек в ружье; / Уж мы встретим этого гостя / Уж мы станем этого гостя, / Среди моря на пути; / Станем потчевати!» [14, с. 231–232].

Екатерина II опирается в народных представлениях на военные и административные дарования выдающихся русских военачальников, печалится, когда граф Румянцев «попадает в плен»: «Что никто, братцы, не знает да не ведает, / Что куда наша государыня собирается, / Собирается да снаряжается Екатерина-то да Алексеевна? / Надевает-то она на себя платье черное, / Платье черное, печальное, / И ко христовской она собирается ко заутрени, / Ко заутрени да к ранней утрени. / По правой по рученьку сидит граф Суворов-енерал, / По леву по рученьку сидит Потемкин-енерал. / «Что же ты, наша государыня, запечалилась?». / «Ах глупые вы бояре, неразумные! / У нас не стало правителя в каменной Москве, / Славна воина Румянцева» [14, с. 254].

Белорусы откликнулись на более актуальную на их стороне Двины эпоху разделов Речи Посполитой, причем в своеобразной – сказочной форме. Исследовательница идентичности белорусов Ю.В. Чернявская указала на «равнодушные» белорусского крестьянства в отношении смены польской власти на русскую, уход в себя, «в тутэйшность», из-за ухудшения своего положения: «Самый многочисленный слой населения –

крестьянство – и прежде-то не был избалован привилегиями. Что касается языка администрации и судопроизводства, то ни в административные, ни в судебные органы крестьянству хода не было. Потому крестьяне отнеслись к вхождению Беларуси в состав империи равнодушно, продолжая жить обособленной от «верхов» жизнью и реализуя свое этнокультурное своеобразие в фольклоре и в повседневной культуре. Нельзя сказать, чтобы крестьянин совсем не понимал, при каком правлении он живет (в белорусских сказках встречается образ «Кацярыны» – и почти всегда негативный), но, вероятно, нововведения он воспринимал как очередные всплески горя в его незавидной жизни» [39, с. 46–47].

Нам представляется, что белорусские сказки оценивают Екатерину II не в столь мрачных тонах. Императрица включена в сюжеты, где действуют магнат польско-литовского государства Кароль Радзивилл и последний польский король Станислав Понятовский.

Кароль Станислав Радзивилл (1734–1790) – одна из самых колоритных фигур среди магнатов Речи Посполитой. В его белорусском замке Несвиже и других владениях постоянно проходили многочисленные пиры и охоты, где ко всем гостям хозяин обращался: «Пане Коханку» («Любименький мой»). Это обращение стало его прозвищем, приклеившимся на всю жизнь [21, с. 75]. О чудачествах «пане Коханку» ходили легенды. Он мог прокатить духовное лицо в санях, запряженных шестеркой медведей, превратить лету в зиму: однажды в Несвижском замке на бал собралось множество гостей, которые страдали от жары. Тогда Кароль Радзивилл пообещал наутро зиму и катание на санках. Гости решили, что хозяин пьян, но проснувшись утром, увидели искрившийся снег и запряженные сани. Впоследствии выяснилось, что вся Несвижская округа была посыпана солью. Чтобы продукт не пропал, Пане Коханку приказал согнать своих крестьян и дал им собрать соль для себя до вечера. Пожалуй, не было другого задания пана, которое крепостные выполняли бы с такой охотой. Соль стоила страшно дорого: два с половиной фунта соли равнялись стоимости пригожей крепостной девицы.

Обычно магнаты польско-литовского государства в белорусском фольклоре «подавались как отрицательные персонажи» [13, с. 71], однако для «Пане Коханку» народ сделал исключение, которое имело под собой вполне историческую подоплеку. Е. П Карнович сообщил: «В то время, когда современные ему магнаты отдавали, из корыстных видов, своих бедных холопов в аренду жадным арендаторам, Карл Радзивилл постоянно думал о благе подвластных ему крестьян, и малейшую обиду, малейшее притеснение, оказанные кому-нибудь из них, он уже считал лично сделанным ему оскорблением» [16, с. 182–183].

Необычность князя Коханку в белорусской сказке усиливается присутствием «царыцы Кацярыны», для которой магнат посыпает поля сахаром и дарит медведей: «Дак от які то быў князь Коханко гучны да штучны. Дачуласа аб ём царыца Кацярына. Чна аб'езджала свае царство да й захацела пабачыць яго. Паслала яна к яму сваіх янаралаў сказаць, што заедзе к яму да толькі чакае, пакуль паправяць дарогі, бо яны вельмі трасуць. А гэта было па лету. От князь Коханка вялеў высыпаць дарогу цукрам да й паслаў па царыцу свой шасцярык мядзведзеи, каторыя былі запрэжаны ў сані. Пабаялася царыца Кацярына ехаць на мядзведзях. От тагды князь Коханка прыехаў к ей на сустрэч вярхом на ласю. Як пабачыла тое царыца Кацярына, дак і села на сані да й паехала на мядзведзях па цукру, бы па снегу, аж да самых палацаў. Бачыць ён, што царыцы спадабаліся тыя мядзведзі, от ён і падараваў іх ей. За тое яна даравала яму залатую табакерку з д'ямантам. Свеціць ён уіочы, бы агонь гарыць. Носіць князь Коханка тую табакерку заўжды пры сабе ў кішэні, а як выме яе поўначы, дак яна й свеціць замест ліхтарні» [37, с. 172].

Ответный подарок Екатерины в народных представлениях белорусов несет свет среди «поўначы», что отнюдь не говорит о негативном восприятии образа императрицы народом. Скорее всего здесь в сказочной форме нашел отражение факт прощения Екатериной II участия Радзивилла в смутах Речи Посполитой. Выступив против избрания польским королем Станислава Понятовского, «пане Коханку» был разбит русскими войсками под Слонимом в 1764 г. и скрылся за границу. Но вскоре в своих письмах он стал уверять в своей лояльности российской императрице, добился прощения, вернулся на Родину и даже стал оказывать содействие царской администрации в Речи Посполитой [21, с. 79–80].

Определенные размышления вызывает и присутствие Екатерины в белорусской сказке «Свиное рыло». Героем здесь является красивый юноша, слухи о необычной красоте которого доходят «аж да царыцы, матулькі Кацярыны. Хочэцца ёй убачыць таго харошаго хлопца, але не можна яго патрэбуваць к сабе, бо ён у другом царстве» [37, с. 241]. Царица Катерина посылает соседнему монарху богатые дары и требует отдать ей красавчика. Юноша поехал к царскому двору, но «куды он ні прыедзе, дак зараз жанчыны адна перад другою акружаць яго атсюль да так прыстаюць, што й дыхаць не можна. Замучылі яго бабы пакуль ён дабраўся да цара» [37, с. 242]. Царь хотел отправить хлопца Катерине, но его супруга влюбилась в пригожего парня и не захотела его отдавать. Боясь гнева могущественной соседки, царь отправился со своими «панамі да ба ярамі» рассказать о возникших трудностях. «Пакуль ён ехаў, тым часом царыца начала прыставаць

к таму харошаму хлопцу. Уцёк он ат царыцы да праклінае сваю долю, да цуць не нарекае на Бога, што даў яму такое хараство. І начаў ён плакаць да ўбівацца. Але чым боль плачэ, тым харашэйшы робіцца. Лезуць к яму жанчыны бы мухі на мёд. І пачаў ён прасіць Бога, каб узаў у яго хараство» [37, с. 242]. Тогда Бог обратил лицо юноши в свиное рыло. «Тым часам царыца Кацярына выслухала цара да й дагадаласа, што тая царыца прцівіцца, от яна затрымала цара ў себе, нібыто ён ёй вельмі спадабаўся, а тым часам велела свайму войску забраць тое царство, а таго, гожаго хлопца прывезці к ёй. Пашлі людзі ваяваць, людзей забівалі, только нарашчэ тое царство забралі» [37, с. 242]. Юноша, потеряв свою красоту поселился в землянке в лесу, где посвятил себя Богу, учил и лечил людей.

Сюжет сказки наводит на некоторые исторические аналогии. Во-первых, будущий король появился на свет в белорусской земле – в местечке Волчин (ныне деревня Каменецкого района Брестской области), провел здесь свое детство [16, с. 201], импонировал полещукам знанием их диалекта, о чем свидетельствует в своем дневнике уроженец Пинщины епископ Адам Нарушевич [23]. Необычайный взлет Понятовского, который в отличие от Радзивиллов, принадлежал к третьей степенной шляхте и не имел прав на королевский престол, не мог не будоражить воображение земляков Станислава, отслеживавших связанные с ним слухи.

Во-вторых, о любвеобильности последнего польского короля ходили легенды. Дореволюционный исследователь «старинного быта Польши» Е.П. Карнович отмечал: «С первого вступления своего в свет, красивый, ловкий и остроумный Понятовский нашёл счастье у женщин; а известно, что кого полюбят женщины, того полюбит и судьба. <...>. Завоевание женских сердец было едва ли не главной деятельностью этого миролюбивого государя. У одних магнатов он соблазнял хороших молодых жён, у других сманивал и увозил любовниц» [16, с. 201, 209]. Н.И. Костомаров писал о Понятовском: «Он был любитель и ценитель прекрасного пола и в отношении к нему отличался чрезмерным непостоянством и ветренностью» [19, с. 76]. Были известны отношения Станислава Понятовского с представительницами низших сословий, что не могло не распространяться в народе. Даже уезжая под конвоем драгун Суворова в Гродно на акт отречения, первое, что король прихватил с собой, была его удобная кровать для любовных утех.

В-третьих, громкую известность Понятовскому принесла любовная связь с великой княгиней Екатериной Алексеевной, будущей российской императрицей Екатериной II. Царственная возлюбленная помогла ему стать королем Речи Посполитой, которым Понятовский оставался вплоть

до утраты независимости Польшей в 1795 г. Приключения короля находили отклик в фольклоре европейских стран, в том числе в Польско-Литовском государстве. Так, Е. П. Карнович как раз использовал народные сказания о Понятовском в своей работе о польском быте [16, с. 215; 29, с. 201–202].

В-четвертых, сюжет в белорусской сказке о свином рыле, которое в европейской фольклорной традиции обреталось посредством проклятия, заставляет вспомнить о том, что Станислав Понятовский нарушил традицию польских королей короноваться в Кракове, которая была связана с проклятием короля Болеслава. Одним из небесных покровителей Польши являлся Св. Станислав. Будучи в XI в. Краковским епископом, он отлучил короля Болеслава II Храброго от церкви за то, что монарх, отличавшийся буйным и развратным поведением, изнасиловал в 1079 г. знатную пани. В ярости король ворвался в краковский костел Св. Михаила и убил епископа прямо во время службы у алтаря. После наложения папой Григорием VII на Польшу интердикта (запрета на церковные службы) в средневековые сложилась традиция, когда каждый новый король перед коронацией обязательно проходил пешком путь от краковского замка Вавель к собору Святого Михаила и у алтаря на коленях просил прощения за «грех предка своего Болеслава» [26, с. 50]. Понятовский нарушил эту традицию, короновался в Варшаве, за что в народных представлениях был наказан: он стал последним королем Польши, и вместе с ним исчезла Речь Посполитая [34].

В-пятых, смуты в польско-литовском государстве на закате его существования с активным вмешательством войск Екатерины II хорошо вписываются в сюжет сказки, где «царыца Кацярына <...> велела свайму войску забраць тое царство» [37, с. 242].

Наконец, завершение жизненного пути С. Понятовского (согласно Е.П. Карновичу, после отречения бывший король «жил уединенно» [16, с. 217]) согласуется с эпилогом сказки об уединенной жизни бывшего любимца царицы в лесу.

Личная жизнь Екатерины Великой, привлекающая внимание всех русских людей, была окружена множеством слухов [6, с. 218]. Последние нередко находили отражение в народном творчестве. Так в песне из записей А.Н. Пыпина Екатерина жалуется на то, что Пётр III с фавориткой Елизаветой Воронцовой хотят её погубить: «Со любимой своей фрейлиной с Лизаветкою Воронцовой. / Он и водит за правую руку, / Они думают крепку думушку, / Крепку думушку за единае. / Они думают крепку думушку, / Крепку думушку за единае. / Что не так у них дума сделалась, / Что хотят они меня срубить-сгубить» [14, с. 241].

В народных представлениях уральских казаков Екатерина свергла мужа с престола из-за его ревности и своего непокорного характера: «У Петра

Федоровича, между нами будь сказано, вышло несугласье с супружницей его, матушкой царицей Катериной Лексевной. Господь их ведает, из-за чего у них там стало, не наше дело, суди их царь небесный, а нам не подобает разузнавать и допытываться, что как было. Поговаривали только, что он, батюшка наш, был ревнивый, ревнивый такой, а она, матушка наша, супротив него была непокорлива такая. И пробежала, знать, между ними черная кошка. Женщина она, а лютая была. Чрез сколько-то времени, – продолжала рассказчица, – в ночную пору царь пошел во дворец понавещать, что там такое деется, подошел к воротам, а они на запоре. Вот тебе и не посмеет! Часовой, что у ворот стоял, окликает: – Кто идет? – Царь! – говорит Петр Федорович. – Нет у нас царя! У нас царица! – говорит часовой дерзким манером» [30, с. 229–230].

В народных представлениях общение монарха с выходцем из простого народа часто происходит за счет уравнивания их сословного статуса, они вступают в диалог не согласно социальной вертикали, а на равных [33, с. 125]. В одной из русских сказок солдат на время подменяет императрицу на жену сапожника. Испытав на себе нелегкую жизнь мастеровых, «Екатерина добре́ стала», по-царски наградила солдата и семью сапожника [38, с. 107].

В сказках и преданиях некрасовских казаков Екатерина предлагает Игнату Некрасову взять её замуж. Драматические реалии, связанные с неудачной попыткой правительства Екатерины II вернуть некрасовцев в Россию, в народных представлениях оформляются в предложение брачного союза со стороны императрицы, при этом искушения Игната во многом похожи на соблазны дьявола в христианской литературной традиции [33, с. 125]. «Видит Игнат, что воевать трудно, и решил утить в чужое государство, – говорится в тексте. – А войско царицы за ним. Узнала об этом деле Катярина, приехала к Некрасу с убеждением. Пришла она к нему в бел-тонкий шатер да один на один просила:

– Не ходи Игнат-сударь, в чужую землю, а лучше возьми меня замуж. Соединим казаков с моим войском, сильнее нас во всем свете найтись нельзя будет» [36, с. 190].

Преодолев искушение, Игнат заявляет: «Веру не могу изменить и жениться не могу на тебе» [36, с. 190]. В ответ Екатерина проклинает некрасовцев: «Идите в чужую землю, и чтоб вы там не прибавлялись, а убавлялись. Будьте вы прокляты – так и сказала царица» [36, с. 191].

Внутренняя политика Екатерины II в народных исторических представлениях оценивается неоднозначно. По отзывам крестьян с. Знаменского Болховского уезда Орловской губернии императрица раздаривала жителей придворным, и с этих времен пошли крепостные [5, с. 110]. Антиекатерининский

характер носят легенды о Петре III – «избавителе», которые в сознании уральских рабочих людей, крестьян и казаков выплились в персонификацию антикрепостнических идей [40, с. 137].

Однако в народной памяти русских нашла отражение и попытка Екатерины Великой ограничить крепостнические устремления монастырей. В предании «Мать Катерина отпустила на волю» рассказывается, как императрица увидела запряженных в соху мужиков, которыми погоняли монахи. После этого «Катерина-мать сейчас же указ написала и свою царскую печать приложила, чтобы, значит, от монастырей всех крестьян освободить» [27, с. 227].

Откликом на указ Екатерины II от 20 июля 1782 г. об отмене двойного подушного оклада со старообрядцев и терпимую конфессиональную политику, проводимую императрицей по отношению к ревнителям «древлего благочестия», стало предание о беседе старообрядческого митрополита с государыней. Царица и митрополит сошлись во мнении, что в России «вера неправая». Но на желание императрицы «исправить» веру, вернуться к дониконовским обрядам, владыко ответил: «Ежели мы будем исправлять, то нам и живым не быть. <...> во-первых, народу от табуку не отучить, а второе дело, что благословения на священническое поставление взять негде, потому что священническая рука благочестивая истребилась. Надоть разве нерушимую священническую руку из мертвых воскресить или с небеси свести, а больше негде взять». Тогда «царица Екатерина Алексеевна сняла с христиан двойную дань во всей России и дала волю христиано, кто как хочет, так и живи и держи свою веру» [31, с. 97–98]. А. В. Пигин справедливо отмечает: это предание о Екатерине II является «дополнительным свидетельством того, что взаимоотношения старообрядцев с властью не сводились к протесту и социальной борьбе, на чем акцентировала внимание отечественная историография XX в. Старообрядцы умели быть благодарны власти за ее милости и щедроты, порой зачисляя ее представителей в единомышленники и одноверцы» [31, с. 100].

В одной из песен Екатерина II прощает яицких казаков и отменяет их обременительные повинности: «Принимала государыня просьбу слезну от войска яицкого / И простила во всех винах, / И отменила войску яицкому службу лициюну» [14, с. 242]. В песне, записанной в с. Слобода Боровского уезда Калужской губернии, говорится, что при царице Екатерине Алексеевне народ жил «в счастьеце», как «появился вор-собака, проклятый человек – Пугачёв, казацкий сын» [5, с. 250].

Смерть Екатерины II оплакивали русские солдаты: «Дожди частые, непроходные, / Вы размойте-ко мать сыру землю / До самой ли гробовой доски. / Разбудите-ко нашу родиму матушку, / Родиму матушку / Катерину Алексеевну. / «Ты восстань, восстань, наша матушка, / Катерина Алексеевна, благоверная государыня. / Погляди-ко на

нас, солдатешек, / На свой полк на Семеновский.
/ Что у нас в полку не по-старому, / Не по-старому,
не по-прежнему, / Что разбили-то нас, гусариков,
/ По разным по полкам, / И нету-то нам, братцы,
свиданьца» [14, с. 289].

Осуждение крепостничества больше связывается с конкретными помещиками, нежели с самой императрицей. Правда, Ю. В. Чернявская пытается увязать негативные последствия вхождения белорусских земель в состав России с появлением в местном фольклоре горестных рекрутских песен. Однако сама же исследовательница отмечает, что рекрутство в народной картине мира белорусов «понимается не в связи с государственным указом (о котором крестьяне, вероятно, и не знали), а как очередная инициатива ненавистного пана: отсюда мотив страшных кар, посылаемых на его голову («штоб сабакі разарвалі», «штоб па пану ваўкі вылі, бадай пана громы ўбілі»)» [39, с. 47].

Призывов против «Кацярыны» в рекрутских песнях нет, главными сюжетами являются снаряжение новобранца, сопровождающееся плачем матери и сестры, тяготы воинской службы: «Стали грамама-ту пісаць, каго ў саладаты аддаць: / Аддалі б мы старыка – старык не гадзіцца, / Аддалі б мы багача – багач выкупіцца, / Аддамо мы малайца, што без маткі, без айца. / А ў нядзелю на ранку заказалі хурманку, / Пасадзілі на вазок ды павезлі ў Беласток. / Увялі яго ў прыём, стала сэрца крамянем, / Паставілі ў куточку: – Скідай штаны, сарочку! / Узялі яго пад меру – рукі, ногі памлелі, / Пасадзілі на столку ды абрылі галоўку. / Далі яму мундзірэц ды чырвоны каўнярэц, / Далі шашку і палаш: / – Цяпер, братцы, я не ваш! / А ні сястры, ні брата – / Толькі служба праклята» [1, с. 253].

Воспринимать рекрутские песни как осуждение государства бессмысленно. Как справедливо отмечает ведущий специалист в области фольклора и ритуальных практик, связанных с проводами на военную службу в русской деревне, здесь мы имеем дело «не с механическим отображением ситуации, а с результатом осмысления социально-исторических реалий, которые вписываются в более широкий символический аспект, в частности, уход на службу понимается, как индивидуальная судьба, которую невозможно ни изменить, ни обмануть» [18, с. 59–60].

Служба в екатерининской армии (как и вообще армейская служба) действительно была связана с тяготами и лишениями во все времена. С 1793 г. солдаты служили 25 лет, с 1834 г. – 20 лет, с 1874 г. – 6 лет с различными льготами. На многолетнюю службу мог попасть не только молодой человек, но и взрослый семейный мужчина, поскольку верхний возрастной предел был 35 лет. Однако имелась и другая сторона медали. В Речи Посполитой белорусские крестьяне никогда не имели статуса защитников Отечества, поскольку защита Родины являлась привилегией шляхты. А. Д. Гронский спра-

ведливо указывает: «Белорусские крестьяне, отслужившие в императорской армии, возвращались к себе в деревни и, рассказывая о боевых действиях против других государств, подспудно формировали у крестьянской молодежи уверенность в том, что крестьяне также причастны к защите Родины, которая в этом случае начинала представляться не как небольшой регион, а как большая страна» [10, с. 191]. В белорусскую деревню активно проникали в последующем исторические песни о русско-турецких войнах, Отечественной войне 1812 г., обороне Севастополя и Шипкинского перевала и др. [1, с. 188–189, 190–192, 195–197, 205–208, 210 и др.]. Расширение пространства в исторической картине мира белорусов говорит о том, что с вхождением в состав России они вовсе не замыкались в себе, в своей «тутэйшности», а напротив ощущали свою причастность к великой стране, общей Родине.

Против идентичностной замкнутости свидетельствует и наличие немалого корпуса текстов топонимических преданий, в которых Екатерина Великая выполняет роль «культурного героя». Так, в Верхнедвинском районе Беларуси «кажуць, што Урагаўскі Гарадок утварыўся ў выніку бойкі Кацярынінскага войска з полякамі, і ў Кіраўскім раёне на Магілёўшчыне: там паходжанне гарадзішча прыпісывецца «воінству цырыцы Кацярыны». У вёсцы Славечна Ельскага раёна ў 20-я гады XX ст. казалі, што «гарадзішча насыпана з прычыны нараджэння ў Кацярыны II сына»» [12, с. 319]. Параллели подобным текстам находим в русских преданиях о «путешествующей» императрицы. Обычно в этих текстах объясняется происхождение названия того или иного поселения, где проезжала Екатерина Великая. В Яхроме императрица ушиблась о камень и якобы воскликнула: «Я хрома!». Херсон получил такое наименование, поскольку Екатерине II здесь плохо спалось. Там, где «утоп» конь императрицы, возник впоследствии город Конотоп [31, с. 96].

В кубанской станице Новопокровской рассказывают, что во время путешествия Екатерины II на её пути «оказалась степная река.

– Как называют эту реку? – спрашивает русская царица свою свиту.

Они чешут свои затылки, не знают, что и сказать, как выпутаться из затруднительного положения.

Но один находчивый подхалим возьми и скажи наобум:

– Это река Ея Величества (т. е. Вашего Величества). Царица осталась довольна ответом, свита свободно вздохнула. После этого случая, как говорят в народе, и появилось название нашей реки (Ея. – О. М.)» [24, с. 3].

Подмосковный город Люберцы был назван так потому, что как-то Екатерина была вынуждена заночевать в возке. За ночь местные жители устроили для отдыха императрицы павильон. Утром восхищенная Екатерина назвала полюбившееся ей место Люберцами [7, с. 4].

По одной из русских версий само название «Беларусь» дала Екатерина II после того, как очистила страну от поляков: Белая Русь означает Чистая Русь [7, с. 4]. В действительности название Белая Русь известно с XIV в

Как и в русских народных представлениях, белорусы запечатали в своей исторической памяти образ путешествующей императрицы, который является неотъемлемой частью ландшафта, накладывает отпечаток на уклад жизни и характер местных жителей [7, с. 4]. Ряд дорог в Белоруссии называют екатерининскими. Белорусские исследователи отмечают: «Кацярынінскія шляхі або Кацярынінскія тракты, можна стрэць амаль па ўсёй Беларусі. Гэта і каля вёсак на Бабруцшчыне, Спярыжжы Брагінскага раёна, каля Мазыра і г. д. У Спярыжжы Кацярына нібыта ехала ў залатой карэце, а потым закапала яе на Лысай Гары. У былым фальварку Гарадзец Верхнядзвінскага раёна Кацярына, паводле падання, таксама ехала на залатой карэце, але згубіла па дарозе залатое кола, і яно пакацілася проста ў крывіцу» [12, с. 319].

Немало подобных текстов зафиксировано в России: «Ехала Екатерина Вторая по Сибирскому тракту. Стало ломаться колесо у кареты. Остановились починить в деревне. Потом эту деревню назвали Малый Полом. Проехала километров двенадцать, и колесо совсем отвалилось. Пришлось, как следует, чинить. И эту вторую деревню, где колесо отвалилось, назвали Большой Полом» [32, с. 72].

В описаниях «екатерининских» дорог присутствует важная деталь: деревья, высаженные вдоль обочины по приказу императрицы. В русских текстах «екатерининские березы» известны в преданиях о крестьянской повинности по обустройству дороги, причем эта повинность рассматривается местными жителями как весьма ответственная миссия и причастность к важному государственному делу [32, с. 74]. «Екатерининские» деревья определяют ландшафтные особенности дороги, выступают для окрестных белорусских сёл своеобразным символом: «Недалёка ад вёскі Валова Гара каля Бярэзіўскага канала на Лепельшчыне вялікія дрэвы ў народзе называюць «кацярынінскі» і лічаць, што іх пасадзілі на загад Кацярыны II» [12, с. 319].

На возникновение подобных нарративов оказали влияние как масштабная дорожностроительная деятельность правительства Екатерины Великой, так и события, связанные с посещением императрицей белорусских земель. Пышные встречи в

городах, возведение арок, сопровождавшиеся балами, посещением храмов, принятием делегаций от различных сословий, устройством развлечений для народа были масштабными и надолго запоминающимися событиями [7, с. 6]. Так, в дневнике путешествия императрицы в белорусские земли в 1780 г. говорилось о прибытии императрицы 22 мая в г. Сенное: «При въезде в сие местечко встретили Ея Императорское Величество Сеннинские обер-комендант с штаб- и обер-офицерами, а пред присутственными местами – присутствующие с канцелярскими служителями; по обеим сторонам улицы ко двору стояли евреи, тутошние жители и гарнизонный батальон» [11, с. 404]. По прибытии в Шклов 30 мая «30 мая. После огромного ужина зажжен был фейерверк. Дом помещичий, гостиный двор, площади, иллюминированы были. Для простого народа поставлены были качели и иные забавы и, сверх того, бык, хлебы и разные питья» [11, с. 409].

Таким образом, в народных исторических представлениях русских и белорусов образы эпохи Екатерины Великой во многом схожи. В мифологической картине мира царица олицетворяет переход к новой эпохе в жизни народа, как demiurge, «культурный герой» осваивает окраины империи: кавказские, белорусские ландшафты (горы, реки, местечки), воздвигает крепости и города, прокладывает и обустроивает дороги в Сибири и на Урале, в западных и южных губерниях. Русская историческая память пропитана мощной инерцией национального подъема, обусловленного военными успехами екатерининской эпохи, позволившим России в успешном соперничестве с сильнейшими государствами того времени прочно утвердиться на Черном море, на западных и восточных стратегических рубежах. Для белорусов более актуальным было западное направление внешней политики Екатерины II, участие России в разделах Речи Посполитой. В характерной для белорусов иносказательной традиционной сказочной форме историзма присутствие императрицы усиливает драматизм и необычность образов последнего польского короля и популярного Пана Каханку, ставит крест на прежней жизни в польско-литовском государстве, помогает выделить ценностные идеалы. Включение в состав империи Екатерины Великой в народных представлениях расширяет историческое духовное пространство, усиливает сопричастность к созидательной деятельности в рамках единого Отечества.

Источники и литература

1. Беларускі эпас / под ред. П. Ф. Глебка, І. В. Гутарау. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1959. 318 с.
2. Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Наука, 2008. 263 с.
3. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов / Сост. В. В. Чепко, В. В. Шатилло. Том третий. Воссоединение Белоруссии с Россией и её экономическое развитие в конце XVIII – первой половине XIX века (1772–1860). Минск: АН БССР, 1961. 624 с.

4. Бигдай А. Д. Песни кубанских казаков / сост., предисл., коммент и примеч. В. Г. Захарченко: для пения (соло, ансамбль, хор) без сопровожд. и с сопровожд. ф.-п. / в ред. В.Г. Захарченко. Краснодар: Кн. изд-во, 1992. – Т. I. Песни черноморских казаков. 445 с.
5. Буганов А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв.: Историко-этнографическое исследование. М.: Принципиум, 2013. 296 с.
6. Верещацкая И. А. Образ Екатерины II в городском фольклоре XVIII – первой половины XIX века (на примере исторических анекдотов и слухов) // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. Ижевск, 4–5 декабря 2018 г. Ижевск: Инст. компьют. иссл-й, 2019. С. 215–220.
7. Виноградов В. В., Громов Д. В. Легенды о путешествующей императрице // Живая старина. 2007. № 3. С. 4–7.
8. Гигин В. Суворов vs Костюшко. Забытые факты из истории восстания 1794 года в Беларуси // Беларуская думка. 2009. №10. С. 86–95.
9. Гронский А. Д. А. В. Суворов и формирование образа врага в современной Беларуси // Военная история России XIX–XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции / под. ред. Д. Ю. Алексеева, А. В. Арановича. Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2016 г. Сб. научных статей. СПб.: СПбГУПТД, 2016. С. 13–27.
10. Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя из участника польского восстания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Юванович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2013. Т. XV. С. 189–208.
11. Дневная записка путешествия императрицы Екатерины II в Могилев и обратно через Смоленск и Новгород // Сборник Русского исторического общества. Т. I. СПб.: Типогр. А. Таншеля, 1867. С. 384–420.
12. Дучыч Л. У., Клімковіч І. Я. Сакральная географія Беларусі. Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. 384 с.
13. Игнатенко А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII–XVIII в.). Минск: БГУ им. В.И. Ленина, 1974. 192 с.
14. Исторические песни XVIII века / изд. подг. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л.: Наука, 1971. 356 с.
15. Казачество: образы культурной идентичности: сборник фольклорно-этнографических материалов / сост. И. А. Филлипова, Т. И. Рожкова, С. А. Моисеева. Магнитогорск: Изд-во Магнит. гос. ун-та, 2010. 202 с.
16. Карнович Е. П. Очерки и рассказы из старинного быта Польши. СПб.: Типогр. Ф.С. Сущинского, 1873. 352 с.
17. Козлов С. А. Екатерина II и казачество // Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Köln, 2001. С. 67–72.
18. Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 376 с.
19. Костомаров Н. И. Последние годы Речи Посполитой. Историческая монография. Изд-е 2-е. СПб., 1870. 870, IV с.
20. Костомаров Н. И. История казачества в памятниках южнорусского народного песенного творчества // Костомаров Н. И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. М.: Фирма «Чарли», 1994. 683 с.
21. Курукин И. В. Княжна Тараканова. М.: Молодая Гвардия, 2011. – 262 с.
22. Легенды і паданні [Склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі; Рэд. тома А. С. Фядосік]. Мінск: Навука і тэхніка, 1983. 544 с.
23. Мальдис А. Странный король Станислав Август / Мальдис А. // URL: <https://www.kurier.lt/strannyj-korol-stanislav-avgust/> (дата обращения 12.03.2022).
24. Маслов А. В. Станица Новопокровская. К 170-летию со дня основания станицы. Ст. Новопокровская, 1997. 65 с.
25. Матвеев О. В. Народная топонимия в организации пространства исторической памяти кубанского казачества // Славяно-адыгские культурные связи: история и современность. Материалы Пярых научных чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры и Году российской истории (Майкоп, 2012). Майкоп: Изд-во Магарин О. Г., 2012. С. 111–124.
26. Мельников Г. Небесные заступники. Святые славянского мира // Родина. 2006. № 4. С. 49–53.
27. Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992. 608 с.
28. Народная проза Кубани / авт.-сост. Л. Б. Мартыненко, И. В. Уварова. Краснодар: КубГУ, 2003. 240 с.
29. Оцхели В. И. Польский «аналог» грузинского средневекового эпоса «Этериани» // Studia polonoslavica. К 90-летию со дня рождения Е.З. Цыбенко. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 196–203.
30. Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вст. ст., ред. и прим. А.Н. Лозановой. М.-Л.: Akademia, 1935. 423 с.
31. Пигин А.В. Как Екатерина II в старую веру перешла // Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin / отв. ред. М.Л. Лурье. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020. С. 96–103.
32. Попова Е. В. Предания о путешествии императрицы Екатерины II в контексте исторической прозы в селениях на Сибирском тракте // Традиционная культура. 2013. № 4. С. 70–77.
33. Пригарин А. А. «Народные предания» и «историография»: уровни исторического (со)знания липован // Шаги-Steps. 2016. Т. 2. № 4. С. 114–149.
34. Проклятие Понятовского: любовника Екатерины II и последнего короля Польши // URL: <https://newsroyal.ru/proklyatie-ponyatovskogo-liubovnika-ek/> (дата обращения 10.03.2022).
35. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 643. Оп. 1. Д. 4.
36. Русские народные сказки казаков-некрасовцев / Собр. Ф.В. Тумилевичем. Ростов-на-Дону, Рост. Книжн изд-во, 1958. 269 с.
37. Сержпуповскі А. К. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага апавета / Маст. В. Р. Мішчанка. Мн.: Універсітэцкае, 2000. 270 с.
38. Сказки: Книга 3 / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. М.: Сов. Россия, 1989. 624 с.
39. Чернявская Ю.В. Белорусы. От «тутэйшых» к нации. Минск: ФУАинформ, 2010. 512 с.
40. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII – XIX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.

References

1. Belaruski epas (Belarusian Epos) / ed. P.F. Glebka, I.V. Gutarau. Minsk: Orthodox Academi Navuk BSSR, 1959. 318 p. (In Belorussian).
2. Belova O. V., Petrukhin V. Ya. Folklor i knignost: mif i istoricheskiye relii (Folklore and books: myth and historical realities) / ed. S. M. Tolstaya. Moscow: Science, 2008. 263 p. (In Russian).

3. Belarus v epohu feodalizma. Sbornik dokumentov i materialov (Belarus in the era of feudalism. Collection of documents and materials) / comp. V.V. Chepko, V.V. Shatello. Tom Third. The reunification of Belarus with Russia and its economic development at the end of the 18th – first half of the XIX century (1772–1860). Minsk: from the Academy of Sciences of the BSSR, 1961. 624 p. (In Russian).
4. Bigday A.D. Pesni Kubanskih kazakov (Songs of the Kuban Cossacks) / comp., predigt., comment and note. V. G. Zakharchenko: For singing (solo, ensemble, choir) without accompanying. And with the accompany. F.-P. / In the ed. V. G. Zakharchenko. Krasnodar: Prince. Publishing House, 1992. T. I. Songs of the Black Sea Cossacks. 445 p. (In Russian).
5. Buganov A.V. Lichnosti i sobitiya v massovom soznanii russkikh krestyan XIX – nachala XX vv.: istoriko-etnograficheskoe issledovanie (The individuals and events of history in the mass consciousness of the Russian peasants of the XIX th – early XX centuries: historical and ethnographic research). Moscow: Principle, 2013. 296 p. (In Russian).
6. Vereshackaya I.A. Верещацкая И.А. Образ Ekaterini II v gorodskom folklore XVIII – pervoy polovini XIX veka (na primere istoricheskikh anekdotov i sluhov) (The image of Catherine II in urban folklore of the XVIII – the first half of the XIX century (for example, historical jokes and rumors) // Europe in the Middle Ages and New Time: Society. Power. Culture: Materials of the VI All-Russian with the international participation of a scientific conference of young scientists. Izhevsk, December 4–5, 2018. Izhevsk: Inst. Compiled. Issl-J, 2019. P. 215–220. (In Russian).
7. Vinogradov V.V., Gromov D.V. Legendi o putesestvuyushey imperatrici (Legends about the traveling empress) // Living old. 2007. No. 3. P. 4–7. (In Russian).
8. Gigin V. Suvorov vs Kostyushko. Zabitiye fakti iz istorii vosstaniya 1794 goda v Belarusi (Suvorov vs Kostyushko. Forgotten facts from the history of the uprising of 1794 in Belarus) // Belarusian Dumka. 2009. No. 10. P. 86–95. (In Russian).
9. Gronsky A.D. A.V. Suvorov I formirovanie obraza vruga v sovremennoy Belarusi (Suvorov and the formation of the image of the enemy in modern Belarus) // Voennaya istoriya Rossii XIX–XX vekov. Materialy IX Mezhdunarodnoy voenno-istoricheskoy konferencii / Ed. D.Yu. Alekseeva, A.V. Aranovich. St.Petersburg, November 25–26, 2016. St.Petersburg: SPb.GUPTD, 2016. P. 13–27. (In Russian).
10. Gronsky A.D. Konstruirovaniye obraza belorusskogo nacionalnogo geroya iz uchastnika polskogo vosstaniya 1863–1864 gg. Vikentiiya Konstantina kalinovskogo (The design of the image of the Belarusian national hero from a participant in the Polish uprising of 1863–1864 Vikenty Konstantin Kalinovsky) // Russkij Sbornik: issledovanija po istorii Rossii / ed. O. R. Ayrapetov, M. Yovanovich, M.A. Kolrov, B. Menning, P. Chesti. Vol. XV. Moscow, 2013. P. 189–208. (In Russian).
11. Dnevnyaya zapiska puteshestviya imperatrici Ekaterini II v Mogilev i obratno cherez Smolensk i Novgorod (A daily note of the journey of Empress Catherine II to Mogilev and back through Smolensk and Novgorod) // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Vol. I. St. Petersburg: Print. A. Tanschelya, 1867. P. 384–420. (In Russian).
12. Duchyts L.U., Klimkovich I.Ya. Sakralnaya geografiya Belarusi (Sacred geographer Belarus). Minsk: Literature i mastactvo, 2011. 384 p. (In Belorussian).
13. Ignatenko A.P. Borba belarusskogo naroda za vossoedinenie s Rossiey (vtoraya polovina XVII – XVIII v.) (The struggle of the Belarusian people for reunification with Russia (second half of the XVII – XVIII century). Minsk: Publishing House of BSU named after IN AND. Lenin, 1974. 192 p. (In Russian).
14. Istoricheskiye pesni XVIII veka (Historical songs of the XVIII century) / ed. sub. about O.B. Alekseyeva, L.I. Emelyanov. L.: Nauka, 1971. 356 p. (In Russian).
15. Kazachestvo: obrazi kulturnoy identichnosti: sbornik folklorno-etnograficheskikh materialov (Cossacks: images of cultural identity: a collection of folklore-ethnographic materials) / comp. I.A. Filippova, T.I. Rozhkova, S.A. Moiseeva. Magnitogorsk: Magnet Publishing House. State University, 2010. 202 p. (In Russian).
16. Karnovich E. P. Ocherki i rasskazi iz starinnogo bita Polshi (Essays and stories from the old life of Poland). St.Petersburg: Tipogr. F.S. Sushchinsky, 1873. 352 p. (In Russian).
17. Kozlov S.A. Ekaterina II i kazachestvo (Catherine II and Cossacks) // Reflections on Russia in the Eighteenth Cttury. Köln, 2001. P. 67–72. (In Russian).
18. Cormina Z. V. Provodi v armiyu v poreformennoy Rossii. Opit etnograficheskogo analiza (Seeing off in the army in the current Russia. Experience of ethnographic analysis). Moscow: New Literary Review, 2005. 376 p. (In Russian).
19. Kostomarov N. I. Poslednie godi Rechi Pospolitoj. Istoricheskaya monografiya (Recent years of Polish-Lithuanian Commonwealth). Historical monograph. Ed, 2nd. St. Petersburg, 1870. 870, IV p. (In Russian).
20. Kostomarov N.I. Istoriya kazachestva v pamyatnikah yugnorusskogo narodnogo pesennogo tvorchestva (The history of the Cossacks in the monuments of South Russian People's Song Creativity) // Kostomarov N.I. Slavyanskaya mifologiya. Istoricheskie monografii i statyi. Moscow: Firm «Charlie», 1994. 683 p. (In Russian).
21. Kurukin I.V. Knyagynya Tarakanova (Princess Tarakanova). Moscow: Young Guard, 2011. 262 p. (In Russian).
22. Legendi i Padanni (Legends and traditions) / [Warehouse. M. Ya. Grynblat I A. I. Gurski; red. Toma A. S. Freyonik]. Minsk: Woven I Tahnik, 1983. 544 p. (In Belorussian).
23. Maldis A. Strannyi korol Stanislav August (Strange King Stanislav August) / Maldis A. // URL: <https://www.kurier.lt/strannyi-korol-stanislav-avgust/> (back date 12.03.2022). (In Russian).
24. Maslov A. V. Stanica Novopokrovskaya. K 170-letiyu so dnya osnovaniya stanicy (Village Novopokrovskaya. To the 170th anniversary of the founding of the village). St. Novopokrovskaya, 1997. 65 p. (In Russian).
25. Matveyev O. V. Narodnaya toponimiya v organizacii prostranstva istoricheskoy pamyati kubanskih kazakov (People's toponymy in organizing the space of the historical memory of the Kuban Cossacks) // Slavjano-adygskie kul'turnye svyazi: istoriya i sovremennost'. Materialy Pjatyh nauchnyh chtenij, posvjashchennyh Dnju slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury i Godu rossijskoj istorii (Majkop, 2012). Maykop: Publishing House Magarin O.G., 2012. P. 111–124.
26. Melnikov G. Nebesnie zastupniki. Svyatini slavyanskogo mira (Heavenly Intercessors. Shrines of the Slavic world) // Rodina. 2006. No. 4. P. 49–53. (In Russian).
27. Narodnaya proza (People's Prose) / comp., intr. art., selection texts and comments. S.N. Azbelian. Moscow: Russian book, 1992. 608 p. (In Russian).

28. Narodnaya proza Kubani (People's Prose of Kuban) / compiler LB Martynenko, I.V. Uvarova. Krasnodar: KubSU, 2003. 240 p. (In Russian).
29. Ocheli V.I. Polsky «analog» gruzinskogo srednevekovogo eposa «Eteriani» (Polish «analogue» of the Georgian medieval epic «Eteria») // Studia Polonoslavica. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2014. P. 196–203. (In Russian).
30. Pesni i predaniya o Razin i Pugacheve (Songs and legends about Razin and Pugachev) / ed. A.N. Lozanova. Moscow.-Leningrad: Akademia, 1935. 423 p. (In Russian).
31. Pigin A. V. Kak Ekaterina II v staruyu veru pereshla (As Catherine II converted to the old faith) // Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin / Ed. M. L. Lurie. St. Petersburg: Publishing House «Pushkin House», 2020. P. 96–03. (In Russian).
32. Popova E. V. Predaniya o puteshestvii imperatrici Ekaterini II v kontekste istoricheskoy prozi v seleniyah na Sibirskom trakte (Traditions about the journey of Empress Catherine II in the context of historical prose in villages in the Siberian tract) // Tradicionnaja kul'tura. 2013. No. 4. P. 70–77. (In Russian).
33. Prigarin A. A. «Narodnie predaniya» i «istoriografiya»: urovni istoricheskogo (so)znaniya lipovan («Folk legends» and «historiography»: levels of historical consciousness / knowledge of Lipovans) // Шаги-Steps. 2016. Vol. 2. No. 4. P. 114–149. (In Russian).
34. Proklyatie Ponyatovskogo: ljubovnika Ekaterini II i poslednego korolya Polsi (Curse of Ponyatovskiy, the lover of Catherine II and the last King of Poland) // URL: <https://newsroyal.ru/proklyatie-ponyatovskogo-liubovnika-ek/> (Accessed: 10.03.2022). (In Russian).
35. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 643. Inv. 1. D. 4. (In Russian).
36. Russkie narodnie skazki kazakov-nekrasovcev (Russian folk fairy tales of Nekrasovsky Cossacks) / comp. by F. V. Tumilevich. Rostov-on-Don: Publishing House, 1958. 269 p. (In Russian).
37. Serzhputovski A.K. Kazki i Apavdanni Belarusy Slutskaga Apaveta (Tales and traditions of the Belarusians of the Slutsk region). Minsk: UniVversiTeckai, 2000. 270 p. (In Belorussian).
38. Skazki (Fairy tales): Book 3 / comp. by U.G. Kruglov. Moscow: Sow. Russia, 1989. 624 p. (In Russian).
39. Chernyavskaya Yu.V. Belorusi. Ot «tuteysih» k nacii (Belarusians. From the «Tirstiest» to the nation). Minsk: Fuanform, 2010. 512 p. (In Russian).
40. Chistov K. V. Russkie narodnie socialno-utopicheskie legendi XVII – XIX vv. (Russian folk social and utopian legends of the XVII – XIX centuries). Moscow: Science, 1967. 342 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского Государственного университета / vim12@rambler.ru
Адрес: д. 149, ул. Ставропольская, 350040, Краснодар, Российская Федерация.

Information about the author

Matveyev Oleg V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, Kuban State University (Krasnodar) / vim12@rambler.ru
The address: 149, st. Stavropolskaya, 350040, Krasnodar, Russian Federation.